

ПРОСОДИЯ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ И СЛОВАРЬ УНИКАЛЬНЫХ ПРОСОДИЙ¹

PROSODY IN A DICTIONARY, AND A DICTIONARY OF PROSODIC IDIOMS

Янко Т.Е. (*tanya_yanko@list.ru*)

Институт языкознания РАН

Проблема представления просодической информации в словаре языка разбивается на две подзадачи: объяснение ограниченных коммуникативных и просодических возможностей лексем с помощью толкования их значений и анализа функций; инвентаризация идиоматических просодий и соответствующих иллокутивных сил.

В современных словарях лексикографический «портрет» слова включает сведения о его индивидуальных коммуникативных и просодических свойствах (Апресян 1988). В работах Т.В. Булыгиной анализируются слова *мало*, *несколько*, *редко*, *вечно*, в работах Е.В. Падучевой (1997) – *редкий*, *давно*, *долго*, И.М. Богуславского (1996: 63) – *задолго* и *незадолго*, Ф.И. Панкова (1996, 2005, 2006) – *скоро*, *близко* и др. Так, Т.В. Булыгина обратила внимание на то, что в глагольной группе *принес много книг* ремой может быть и словоформа *книг* с рематическим акцентом на *книг* (*принес много книг*) и словоформа *много* (*принес много книг*), а в *принес мало книг* – только словоформа *мало*: *принес мало книг* (ср. **принес мало книг*). В работе (Булыгина, Шмелев 1997: 200-207) рематичность *редко* и *мало* объясняется семантикой несоответствия норме: *редко* и *мало* – меньше, чем предполагается нормой, а ее несоблюдение не согласуется с коммуникативной ролью темы, которой свойственно отображать известное, освоенное, привычное и нормальное. Толкования слов могут иметь пересечения с толкованиями коммуникативных значений, что приводит к ограниченной возможности соответствующих лексем выступать в тех коммуникативных ролях, которые противоречат этим значениям. Кроме того, толкованиям коммуникативных значений, таких, как темы и ремы, могут противоречить не только толкования слов, но и значения, полученные из толкований путем логического вывода. В результате выделяются слова с т.н. «рематической полярностью» (*редко*, *мало*), «тематической полярностью» (*теперь*, *наконец*), слова контраста (*только*, *именно*), слова верификации (*правда*, *вправду*), слова эмфазы (*сам*, *даже*) и т.н. неконтрастоспособные конструкции, чье толкование мешает образованию релевантного множества, из которого при контрасте производится выбор. В (Янко 2001: 306-325) показано, что пропозициональное дополнение глагола *знать* в силу онтологических свойств знания не может вступать в отношение контраста, потому что один объект знания, как правило, не противопоставлен другому. Если мы едим грушу, то весьма вероятно, что одновременно мы не едим также и яблоко, поэтому разумно говорить о том, что мы едим грушу, а не яблоко. Между тем, если нам известно о факте Р, это никак не мешает нам знать и о факте Q: одно знание не исключает другого. Ср. *ем не Р, а Q, люблю не Р, а Q*, но не **знаю не что Р, а что Q*. Результаты, которые касаются коммуникативных ограничений, вытекающих из толкований, были получены нами ранее и опубликованы (Янко 2001), поэтому здесь в разделе 1 приводится только один пример, иллюстрирующий соответствующую проблематику.

Свойства слов – это только одна сторона проблемы представления просодической информации в лексиконе языка, потому что просодические структуры тоже могут быть объектами словарного описания, если соответствующие

¹ Работа над темой финансируется Российским Государственным гуманитарным фондом, проект N08-04-00165а.

означаемые не сводятся к композициям других коммуникативных значений и сами не вступают в композиции. Ср., с одной стороны, значения темы, ремы и контраста, которые образуют стандартные композиции – контрастные темы и ремы – и, с другой стороны, рассматриваемую ниже иллокуцию зова адресата в условиях поиска, которая не вступает в композиции с другими значениями и, соответственно, требует словарной фиксации. Более того, план выражения коммуникативных значений тоже может обнаруживать идиоматичную просодию, которая характеризуется такими признаками, как: 1) нечленимость цепочки изменений частоты основного тона на известные элементарные единицы типа интонационных конструкций по Е.А. Брызгуновой² или на еще более мелкие единицы; 2) нестандартный тип связи частотных изменений с сегментной структурой, например, независимость частотных изменений от распределения ударных и безударных слогов, при том что неидиоматичные структуры реализуют релевантные движения тона с жесткой привязкой к ударным слогам слова-акцентоносителя, 3) нестандартная связь просодических структур со словами-акцентоносителями, которые выбирались бы по определенным синтаксически обусловленным правилам, как это происходит при формировании стандартных структур³. Имеются и другие свидетельства идиоматического оформления речевых актов, когда принцип композициональности не действует и специфическая мелодика ложится на сегментный материал, как музыка на слова песни, *as when chanted* по выражению знаменитой исследовательницы английской интонации Дж. Пьерхамберт (Pierrehumbert 1980: 87-88).

В докладе к традиционной задаче анализа уникальных коммуникативных и просодических свойств слов и конструкций добавляются следующие задачи: 1) установление связи идиоматического просодического оформления лексем не только с толкованием, но и с функцией в тексте (в связи с этим ниже будет рассмотрено нестандартное поведение притяжательных местоимений *мой, твой, наш* и *ваш* в структуре обращений *Ваша честь! Сын мой! Рыбка моя! Птичка моя! Неподкупный вы наш!*), и 2) разработка словаря просодических идиом.

В разделе 1 говорится о словарных коммуникативных и просодических ограничениях в употреблении слов и конструкций. В разделе 2 на примере речевого акта обращения рассматриваются типы речевых актов, имеющих идиоматичное выражение. Раздел 3 посвящен уникальным просодическим свойствам местоимений *мой, твой, ваш* и *наш* в составе обращений.

1. Просодическая информация о слове

В данном подразделе мы приведем пример обусловленности коммуникативной роли слова и соответствующей просодии толкованием. Обратимся к слову *давно*. Е.В. Падучева показала, что это слово не бывает в предложении нормальной темой, а в контексте общефактического значения несовершенного вида *давно* не только «антитематично», но еще и «рематично». Оно служит акцентоносителем ремы: *Папа покупал эти часы давно* (но не **Папа давно покупал эти часы*) (Падучева 1997). Впоследствии в наших работах (Янко 2001: 255-269) и (Yanko 2003) было показано, что рематическая полярность у слова *давно* проявляется не только в контексте общефактического, но и в контексте всех других видо-временных глагольных форм, которые обозначают событие, ушедшее в прошлое, т.е. таких, которые поддерживают семантику разобщенности с моментом речи, заключенную в *давно*: *Это произошло/происходило в нашем городе давно* (но не **Это давно произошло в нашем городе*). Между тем в контексте глагольных времен, которые обозначают время, включающее момент речи, *давно* – не обязательно рема: *Вася давно спит; Вася давно пришел*. Рематическая полярность *давно*, которая выражена соответствующей ремой просодией, объясняется семантикой временной удаленности события от момента речи: то, что происходило давно, далеко от момента речи, чуждо ему, поэтому соответствующие лексеммы не могут служить темой – исходной точкой для совершения речевого акта. Это подтверждается тем, что наречие *недавно* в контекстах, которые для *давно* оказываются контекстами исключительной рематичности, не обязательно служит ремой: *Это недавно произошло в нашем городе*.

² Об интонационных конструкциях по Е.А. Брызгуновой см. Русская грамматика 1982: 103-118.

³ Примеры идиоматических просодий читатель найдет ниже в разделе 2.

Возникает вопрос, почему выражение *давным давно* практически с той же семантикой, что и у *давно*, – это классическая тема предложения (*Давным давно жил-был царь*)? Мы предполагаем, что у *давным давно* есть дополнительный компонент в значении, который переориентирует полярность *давным давно* по сравнению с *давно*. Таким значением оказывается экзистенциальная квантификация, показатели которой имеют склонность входить в тему предложения (Падучева 1974:87-88). В качестве предварительного толкования *давным давно* мы предлагаем следующую формулировку:

Давным давно P ≈ ‘Существует событие P такое, что время, когда произошло P, имело место до момента речи (или другой точки отсчета времени)’.

Между тем для предложений типа *P давно* предлагается следующее толкование:

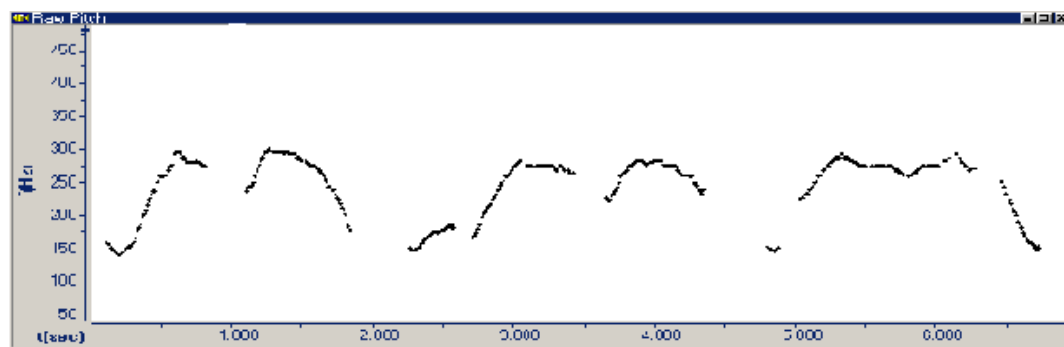
P давно ≈ ‘Время, когда произошло событие P, имело место до момента речи (или другой точки отсчета времени)’.

Толкования предложений с *давно* и *давным давно* различаются – в частности – компонентом ‘существует’. Аналогичные толкования можно предложить для пар слов с близкими значениями, но различной коммуникативной ролью и, соответственно, с различной просодией: рематичного *редко* и универсального *изредка*, рематичного *мало* и универсальных *немного* и *несколько*. Анализ других слов и конструкций темы, ремы, контраста, эмфазы, верификации и неконстрастоспособных слов см. в Янко 2001: 231-337 и в цитированной там литературе.

2. Речевой акт как единица просодического словаря. Речевой акт обращения

Уникальные иллокуции представляют собой открытое множество, и для многих из них интонация служит основным средством выражения. Для представления здесь уникальных иллокуций в качестве примера рассмотрим два типа обращений: зов в условиях существенной удаленности говорящего от слушающего и зов в условиях поиска.

Обратимся к ситуации, в которой слушающий существенно удален от говорящего, но говорящий, тем не менее, видит слушающего и считает, что может «докричаться» до него. Тонограмма ниже показывает, что в этом случае, независимо от сегментного материала, на имени адресата фиксируется одна и та же акцентная кривая, которая занимает примерно одинаковое время звучания независимо от длины слова.

Ва-а-ся-я

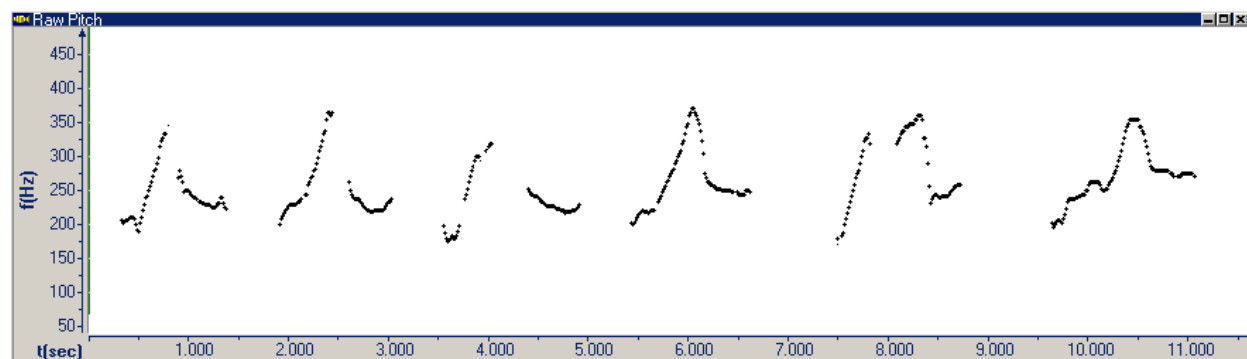
Ната-а-ша-а

Джо-о-он

Сравнительный анализ данного акцентного контура при реализации на материале словоформ, содержащих и не содержащих заударные слоги, например, *Вася* и *Джон*, показывает, что финальный – нисходящий – компонент тональной структуры фиксируется на последнем заударном слоге, как в *Вася-я-я* (ср. также *Иван Федоров-и-ич*), и смещается на ударный слог, как в *Джо-о-он*, если заударных нет. Тогда ударный гласный приобретает двухчастный характер, между двумя компонентами которого возникает гортанная смычка. Тем самым фактически создается дополнительный слог. Если обращение состоит более чем из одной словоформы, носителем акцента служит конечная: а. *Гвардии сержант-а-нт!*; б. *Сержант гвардии-и!*; в. *Гости дорогие-е!*; д. *Дорогие гости-и*. Минимальные пары а vs. б и в vs. д показывают, что акцентоноситель здесь выбирается в соответствии с принципом линейной структуры, т.е. синтаксическая структура на выбор акцентоносителя не влияет. Таким образом, русский язык отстает здесь от своего базового – синтаксического – принципа выбора акцентоносителя в коммуникативном компоненте речевого

акта, основанного на синтаксических приоритетах. О синтаксических приоритетах при выборе акцентоносителя см. Янко 2001: 68-83.

Другой вокативный тип представлен в ситуации зова адресата, когда слушающий не знает, находится ли адресат в пределах слышимости. Говорящий обращается с призывом к невидимому адресату в пустой или в темной комнате, в прихожей дома, когда неизвестно, на месте ли хозяева, к спящему, не будучи уверенным в том, что спящий его слышит, говорящий зовет слушающего в толпе, в лесу среди деревьев. Рассмотрим тонограмму.

Хозяйка-а?! Маруся?! Где это ты та-ам?! Хеллоу-?! Есть кто-нибудь?! Иван Иваны-ыч?!

Здесь мы наблюдаем низкий ровный тон на предупредных, за которым следует подъем на одном из ударных слогов⁴. Затем возникает падение тона на заударных, если они есть. Завершается контур растянутым, ровным и достаточно высоким тоном. Если заударного слога нет, он создается путем растяжения конечного слога и расщепления его на два фрагмента с помощью смычки так же, как при зове адресата, значительно удаленного от слушающего. Акцентный пик в двух рассмотренных здесь апеллятивных контурах приходится на последний заударный слог конечной словоформы акцентоносителя, если обращение состоит из именной группы: *Иван Иваны-ыч*; *Господин профессо-ор*. В ориентации акцентного пика на заударный слог с искусственным созданием подобия такого слога в словоформах, где заударных слогов нет, мы видим высокую степень идиоматичности рассматриваемых типов речевых актов: стандартные стратегии строятся с ориентацией, наоборот, на ударные слоги.

2.1. Другие уникальные свойства обращений

Просодия – это не единственная уникальная характеристика обращений. О нестандартных свойствах обращений существует большая литература. Интересной особенностью т.н. нового русского вокатива служит противоречащая русской фонетике способность последнего согласного не оглушаться: *Федь!* [f'ed'] (Панов 1997: 108-110). Другая особенность, которую выделяют авторы Yadroff 1996, Corbett 2007, Daniel, Spencer (in press), Даниэль (в печати), это отсутствие беглой гласной в формах типа *Мишк!*, ср. нулевую форму генитива множественного числа с прояснением беглой гласной *Мишек*. Мы, впрочем, не видим в формах *Мишк!* и *Людк, а Людк!* ничего выходящего за пределы естественного развития языка: новый вокатив образовался уже после того, как редуцированные пали. Еще один параметр, имеющий непосредственное отношение к составу словаря, это способность лексем употребляться в функции обращения. Так, А. Цвикки на материале английского языка сделал заключение, верное и для русского, что слова *доктор* и *врач* (и их английские эквиваленты) различаются по способности функционировать в функции обращения (Zwicky 1974).

Ниже мы рассмотрим две особенности, которые отличают обращения от других типов речевых актов: сообщений, вопросов и императивов. Это 1) особые принципы выбора акцентоносителя и 2) уникальное – требующее словарной фиксации – поведение в составе обращения местоимений *мой, твой, наш* и *ваш*. Положения 1) и 2) связаны таким образом, что особенности местоимений проявляются именно при выборе акцентоносителя.

⁴ Ответ на вопрос о том, как выбираются акцентоносители падения и подъема, мы здесь опускаем.

Обратимся к проблеме выбора акцентоносителя. Вначале определим, каков стандартный – «дефолтный» – принцип выбора акцентоносителя в именных группах, не отягощенных контекстами обращения, мольбы, упрека, угрозы, недоумения, контраста, эмфазы. В именной группе с адъективным определением, которое не имеет зависимых слов и расположено перед определяемым словом, ударно определяемое имя – *моя дочь* (*Это моя **дочь***), *ваша честь* (*На карту поставлена ваша **честь***), *твоя милость* (*Велика твоя **милость***), *наш друг* (*Ему помог наш **друг***), см. Ковтунова 1976: 65-67; Светозарова 1993. В группах с несогласованным определением ударно определение, которое в норме расположено после определяемого слова: *начальник **смены***. В именных группах типа «имя-фамилия» ударна фамилия, которая расположена после имени: *Вася **Иванов*** (*Меня зовут Вася **Иванов***). В именах-отчествах ударно отчество (*Иван **Иванович***), в конструкциях «титул-имя» ударно имя (*профессор **Иванов***). Такой принцип выбора акцентоносителя мы называем синтаксическим.

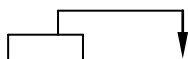
В обращениях (но не только в них) синтаксический принцип выбора акцентоносителя действует не всегда. Выбор акцентоносителя в обращении определяется разнообразными прагматическими факторами с образованием целого спектра вокативных иллокутивных сил, таких как попытка говорящего докричаться до слушающего (*Ва-а-с-я-я!*), стремление упрекнуть (*Ива-ан Иваныч, ну как же так?*), остановить уходящего или отвернувшегося (*Иван Иваныч, ну куда же вы?*). Эти иллокутивные силы различаются характерной для каждого из них мелодикой и принципом выбора носителей акцентных пиков. В выборе акцентоносителей можно наблюдать следующие закономерности. Если слушающий находится близко от говорящего и обращение включает более одной словоформы, ударна первая словоформа (*Марья Ивановна, пойдёмте обедать; Молодой человек, купите букетик; Начальник смены, пройдите к пульту*), а если далеко – иконически ударна последняя словоформа (*Марья Ивановн-аа! Идите к на-ам!*). Другой фактор – психологическая дистанция между говорящим и слушающим. При неофициальном тоне ударна первая словоформа (*Иван Петрович, что за радость!*), при официальном – последняя (*Глубокоуважаемый Иван Петрович! Примите наши поздравления*). Пространственная и психологическая дистанция сочетаются в одном обращении таким образом, что побеждает стратегия того параметра, который имеет значение удаленного общения, – пространственного или психологического: если говорящий и слушающий находятся близко друг от друга, но общаются в официальном тоне, используется стратегия, маркирующая психологическую дистанцию. Анализ этих стратегий говорит о том, что в обращениях синтаксический принцип может уступать место линейному. Это нетривиальный факт русского языка.

Линейный принцип – не единственный принцип выбора акцентоносителя в обращениях. Рассмотрим обращения в условиях, когда говорящий преследует цель поддержания контакта со слушающим и необходимость инициации общения отсутствует: *Подвинься, Зин; Я, Вань, такую же хочу; Вы, Марь Ванна, не волнуйтесь так*. Проблемы выбора акцентоносителя здесь нет, потому что имя слушающего вообще лишено каких бы то ни было релевантных просодических признаков, т.е. с точки зрения коммуникативно релевантных акцентов «безударно», и имеет тенденцию занимать второе место в предложении; об обращениях в позиции Ваккернагеля см. Renou 1936: 61; Gonda 1971: 146-147. Этот принцип мы называем безакцентным.

Еще один принцип выбора акцентоносителя реализуется с двумя акцентными пиками – в начале и в конце обращения, т.е. с двумя акцентоносителями. Данный принцип действует в обращениях, по иллокутивной силе близких восклицаниям. Такую модель Брызгунова называет интонационной конструкцией ИК-5 (Русская грамматика 1982: 107): *Дорогой Иван Петрович!* с подъемом на *дорогой* и падением на *Петрович*; *Горе ты мое луковое* с подъемом на *горе* и падением на *луковое*, *Ясное ты мое солнышко!* с подъемом на *ясное* и падением на *солнышко*. Для обращений данного типа характерна дислокация⁵ – расщепление именной группы с помещением других словоформ, если они есть, в образовавшуюся при разрыве нишу. Так, при дислокации в исходной структуре *Ты мое ясное солнышко!*

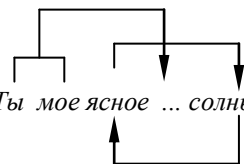
⁵ Термин «дислокация» введен И.И. Ковтуновой (1976: 120-121).

фрагмент *ясное солнышко* разрывается, словоформа *ясное* помещается в начало предложения, *солнышко* – в исход, а словоформы *ты* и *мое* располагаются в разрыве между *солнышко* и *ясное*:

a. *Ты мое ясное ... солнышко* → *Ясное ты мое солнышко!*

Кроме дислокации, данный тип может сопровождать и инверсия, когда *ясное* и *солнышко* меняются местами:

b. *Ты мое ясное ... солнышко* → *Солнышко ты мое ясное!*

Для полноты картины отметим, что синтаксический принцип выбора акцентоносителя также не чужд обращениям, в частности, так называемым обращениям-характеризациям (Пешковский 1956: 407, Ковтунова 1986: 105), лишенным собственно апеллятивной функции. Этот тип широко используется в поэтической речи: *Волибного шептанья полный лес ...* (Баратынский); *Вы, чьи широкие шинели напоминали паруса...* (Цветаева)⁶. В развернутых обращениях-характеризациях акцентоноситель выбирается в соответствии со стандартным принципом русского языка. В разговорной речи обращения-характеризации также широко используются, особенно при восторженно-ласковых обращениях и в ругательствах: *Машенька! Красавица!*; *Брось прикидываться, медвежья башка* (Коваль).

Итак, обращения обнаруживают четыре стратегии выбора акцентоносителей: 1) синтаксическую (как в развернутых обращениях-характеристиках), 2) линейную (как в *Иван Петрович!* и *Иван Петрови-ич!*), 3) безакцентную (как в *подвинься, Зин*) и 4) двухакцентную (как в *Дорогая Маша; Неподкупный вы наш*).

В следующем подразделе будет показано, что особенности местоимений в структуре обращений требуют словарной фиксации.

3. Мой, ваш, наш и твой в составе обращений

Начнем с местоимения *ваш*. В современных русских обращениях оно встречается весьма ограниченно: в обращениях к судьбе (*Ваша честь!*), к патриарху (*Ваше святейшество!*), в историзмах (*Ваше благородие*) и в переводах с других языков (*Ваше высокопреосвященство*). Оно способно реализовать следующие принципы выбора акцентоносителя: линейный (*Ваша честь, у защиты вопрос к свидетелю*), безакцентный (*В этом, ваша честь, моему доверителю было отказано*) и двухакцентный (*Ваша честь!*).

Местоимение *мой* входит в большое количество закрепленных в русском узусе обращений: *мой дорогой, милая моя, мой повелитель, моя радость, счастье мое, солнышко мое, горе мое луковое, сын мой, рыбка моя, птичка моя*. Выше было показано, что при линейном принципе ближней апелляции к слушающему, носителем акцентного пика становится начальная словоформа, которой, в частности, может быть и притяжательное местоимение: *Ваша честь!*. У местоимения *мой* способность быть акцентоносителем в таких обращениях иная, чем у *ваш*. В составе галлицизмов *мой господин, мой император, мой капитан* и *мой генерал* местоимение *мой* может выступать в роли акцентоносителя всего словосочетания: *Мой господин, пожалуйста к столу*. Атоническая форма здесь также возможна и даже более вероятна: *Мой господин, пожалуйста к столу*. В составе устойчивых обращений *мой дорогой, моя милая* перенос акцента на *мой* возможен только в речевых актах упрека, сетования и уговора – контекстов, которые стимулируют перенос акцента на первый компонент словосочетания: *Мой дорогой, ну как же так?; Дорогой мой, ну как же так?* В отсутствие упрека переноса акцента на *мой* не происходит: *Мой дорогой, пойдем позавтракаем* (ср. [?]*Мой дорогой, пойдем позавтракаем*). В других контекстах местоимение *мой* сохраняет атоническую форму даже в

⁶ Примеры заимствованы из книги Ковтунова 1986: 96-127.

контексте упрека: *Солнышко мое, ну как же так?! (*Мое солнышко, ну как же так?); Моя радость, ну как же так?! (*Моя радость, ну как же так?!); Доченька моя, ну как же так?!.* Регулярному акцентированию местоимение *мой* подвергается только в исходе рамочных структур с дислокацией и инверсией, как в *Миленький ты мой*, где на *миленький* фиксируется подъем, а на *мой* – падение.

Итак, в отличие от *ваш* местоимение *мой* имеет сильную тенденцию к безакцентному употреблению. Это словарное свойство местоимения *мой*. Объяснением этому может служить высокая частотность местоимения *мой* в обращениях. Аналогичный механизм употребления и преобразования староиспанского обращения *Vuestra Merced* ‘Ваша милость’, давшего современное *usted* ‘вежл. Вы’, Вяч. Вс. Иванов объясняет «статистически обусловленным изнашиванием самых употребительных слов языка, которое осуществлялось на больших отрезках времени» (Иванов 2004), ср. также русское *сударь*, за короткое время превратившееся в т.н. словоер: *да-с*.

Местоимение *наш* в обращениях представлено в двухакцентных конструкциях (*Дорогой ты наш*) и безакцентно (*Наш дорогой Иван Петрович!*). В контексте линейного акцентирования при ближней апелляции по нашим наблюдениям не встречается: **Наш дорогой! *Наша Маша.*

И наконец, местоимение *твой* в формировании русских обращений фактически не участвует. В письменной базе данных оно встретилось в обращении-историзме *твоя милость* безакцентно только один раз: *Рассуди же здраво, твоя милость, чего ты хочешь от меня?*

На примере речевого акта обращения была рассмотрена проблема представления просодической информации в словаре языка.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Логический анализ языка. Прагматика и проблемы интенциональности. М.: Институт языкознания, 1988.
2. Богуславский И.М. Сфера действия лексических единиц. М.: Языки русской культуры, 1996.
3. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997.
4. Даниэль М.А. (в печати) Звательность как дискурсивная категория. Несколько гипотез.
5. Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. М.: Языки русской культуры, 2004.
6. Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976.
7. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986.
8. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. М.: Наука, 1974.
9. Падучева Е.В. *Давно и долго* // Логический анализ языка. Язык и время. М. 1997.
10. Панков Ф.И. Наречная темпоральность и ее речевые реализации. АКД. М., 1996.
11. Панков Ф.И. Синтаксические позиции русских наречий. Позиции адвербиальных синтаксем // Слово. Грамматика. Речь. Вып. VII: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. М., 2005.
12. Панков Ф.И. Синтаксические позиции русских наречий. «Членопредложенческий ранг» адвербиальных словоформ // Слово. Грамматика. Речь. Вып. VIII: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. М., 2006.
13. Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика. М. 1997.
14. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М.: Просвещение, 1956.
15. Русская грамматика Т. 1, М.: Наука, 1982.

16. Светозарова Н. Д. Акцентно-ритмические инновации в русской спонтанной речи // Проблемы фонетики. 1993. Вып. I. М.
17. Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки русской культуры, 2001.
18. Corbett G. Determining morphosyntactic feature values: the case of case // Case and grammatical relations. Papers in honour of Bernard Comrie. Oxford: Oxford University Press, 2007.
19. Daniel M., Spencer A. (in press). Vocative: an outlier case.
20. Gonda J. Die Indischen Sprachen: Erster Abschnitt: Old Indian. Leyden; Cologne, 1971.
21. Pierrehumbert J.B. The Phonology and Phonetics of English Intonation. PhD thesis. MIT. 1980.
22. Renou L. Etudes de grammaire sanscrite. Paris, 1936.
23. Yadroff M. Modern Russian Vocatives: a Case of Subtractive Morphology // Journal of Slavic Linguistics. 1996. Vol. 4.
24. Yanko T.E. The Communicative Effects on the Interaction between the Verbal Aspectual Categories and Temporal Adverbials in Russian // Journal of Slavic Linguistics. 2003. Vol. 11. N 1.
25. Zwicky A. Hey, whatsyourname! // Papers from the Tenth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society. Chicago: Chicago Linguistics Society, 1974.